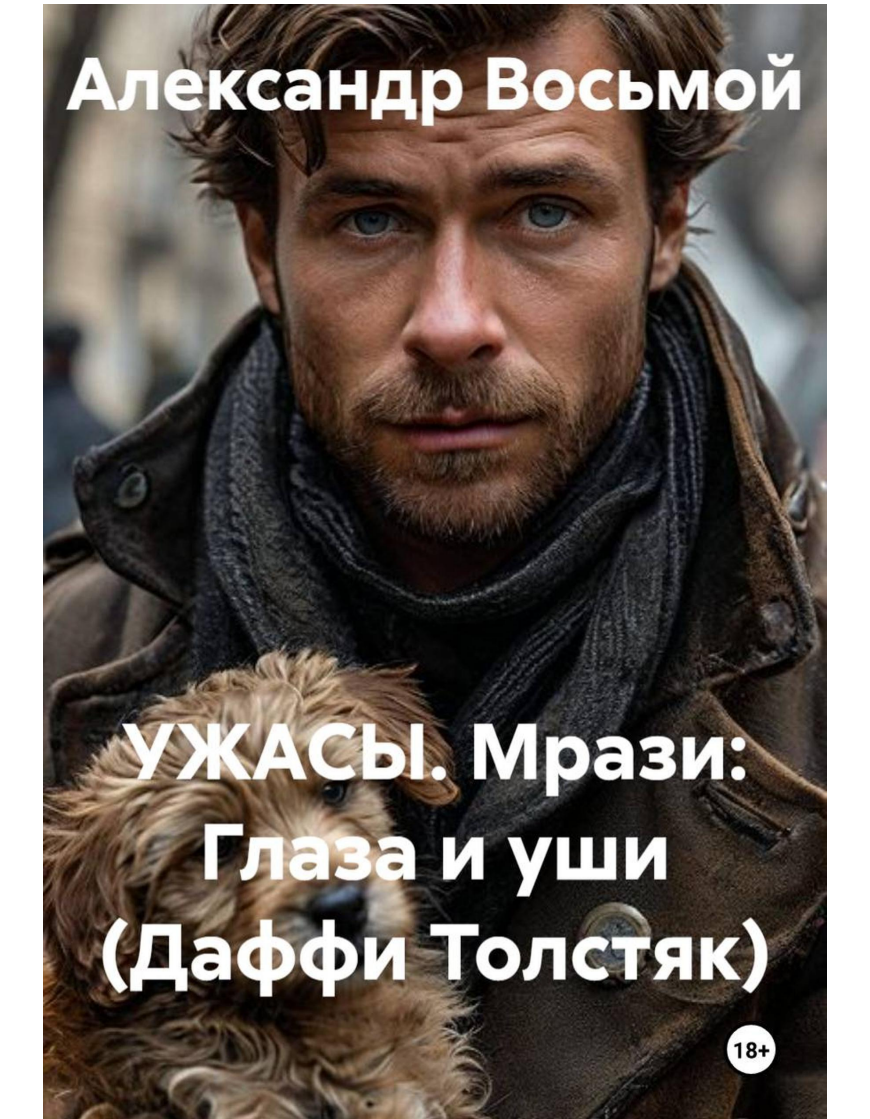

Александр Восьмой

**УЖАСЫ. Мрази:
Глаза и уши
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

УЖАСЫ. Мрази: Глаза и уши (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74144942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жалость — ловушкой, разворачивается леденящая душу история. Андрей превратил милосердие в оружие: калеча животных, он продаёт людям иллюзию спасения, выставляя в сети душераздирающие просьбы о помощи. Лиза и Макс бросают вызов этому хладнокровному манипулятору, распутывая паутину обмана, где каждый «крик о помощи» — часть изошрённой игры. Но разоблачение не приносит облегчения: зло пускает корни глубже, заражая город равнодушием и слепотой к чужой боли. Когда Андрей исчезает, становится ясно: он не просто преступник — он архитектор системы, в которой доброта оборачивается уязвимостью. И теперь его последователи готовы занять освободившееся место. Смогут ли Лиза и Макс не только остановить волну обмана, но и вернуть людям способность различать правду среди тысяч просьб о помощи? Эта книга — путешествие в тёмные уголки человеческой психики, где самое светлое чувство становится самой страшной слабостью.

Александр Восьмой

УЖАСЫ. Мрази: Глаза и уши (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени в подъезде»

Вечер опускался на город тяжело, будто сам воздух стал гуще и холоднее. Улицы, ещё недавно оживлённые, теперь казались декорациями после закрытия спектакля: фонари горели, но свет не рассеивал тьму, а лишь подчёркивал её плотность. В панельной девятиэтажке на окраине жизнь привычно затихала: за дверями щёлкали замки, шуршали пакеты, кто-то гремел кастрюлями — обыденные звуки, из которых соткана тишина большого дома.

В этом ритме особенно заметной была фигура Андрея. Он шёл к подъезду, ссутулившись, как будто старался занимать как можно меньше места. Обычный парень: не высокий, не низкий, в серой куртке, с лицом, которое легко забыть через пять минут. Тихий, вежливый, всегда поздороваётся, если встретит кого в коридоре. Никто не мог бы сказать о нём ничего плохого — и именно это делало его присутствие почти невидимым.

Сегодня он нёс в руках пакет с кормом — знакомый, привычный атрибут. Но в другой руке он держал переноску, и в ней шевелилось что-то живое. А следом за ним, почти бес-

шумно, двигались ещё две кошки — одна шла сама, другая, вялая и доверчивая, позволяла Андрею вести себя на поводке. Три кошки за один вечер — это уже было не похоже на обычное увлечение.

Соседка, Тамара Петровна, вышла на площадку как раз в тот момент, когда Андрей поднимался по ступеням. Она задержалась у почтовых ящиков, делая вид, что проверяет квитанции, а на самом деле просто хотела хоть с кем-то перекинуться парой слов. Но слова застряли у неё в горле.

Андрей кивнул ей, пробормотал привычное «добрый вечер», и прошёл мимо. И только когда он поднялся на пару ступеней выше, Тамара Петровна заметила на плитке тёмные капли. Не вода. Не грязь. Что-то густое, почти чёрное в тусклом свете лампы. Капли тянулись следом за Андреем, как ниточка из страшной сказки, которая ведёт туда, куда лучше не ходить.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть поближе, и вдруг поняла: дом замолчал.

Не сразу, не резко, а будто по частям. Сначала исчезло мяуканье — а ведь в соседней квартире жила кошка, которая вечно бродила по коридору и требовала внимания. Потом пропали шаги: никто не ходил по лестничным пролётам, не хлопали двери. Даже лифт, обычно гудевший, как недовольный зверь, замер в тишине.

Город будто глушил сам себя, чтобы скрыть то, что происходило за одной дверью.

Тамара Петровна подняла глаза на дверь квартиры Андрея. Обычная металлическая дверь, с облупившейся краской и наклейкой от доставки еды. Ничего особенного. Но теперь эта дверь казалась порталом в другую реальность — в мир, где привычные вещи теряют смысл, а тишина становится громче крика.

И тут изнутри донёсся звук. Тихий, едва уловимый, похожий на шёпот или на скрежет ногтя по стеклу. Звук, который не должен был существовать в этом доме. Звук, от которого по спине Тамары Петровны пробежал ледяной ток.

Она резко выпрямилась, схватила ключи, будто они могли защитить её, и поспешила к своей квартире. Пальцы дрожали, ключ не попадал в скважину. За спиной, на площадке, повисла такая тишина, что казалось, даже воздух перестал двигаться.

Когда дверь наконец щёлкнула, Тамара Петровна ввалилась внутрь и прижалась к стене, тяжело дыша. Только теперь она поняла: она не слышала даже собственных шагов. Дом забрал звук, как забирает дыхание перед грозой.

А за стеной, в квартире Андрея, что-то тихо шевелилось. И этот шорох был страшнее любого крика.

Глава 2. «Объявления без лица»

Лиза открыла ленту в третий раз за ночь — и снова на-

ткнулась на пост. Тот же фон: облупившаяся серая стена, будто вырванная из какого-то заброшенного подъезда. То же размытое фото, на котором едва угадывался силуэт кошки — или это была тень? Подпись: *«Помогите кошке, она почти ничего не видит. Ей страшно, но она всё ещё ждёт, что кто-то придёт»*. И время публикации: 03:17.

Ровно 03:17.

Это время уже въелось в сознание, как заевшая строчка из песни, которую не можешь выкинуть из головы. Лиза сверила даты: за последние две недели таких постов было не меньше пятнадцати. Все — с одного аккаунта с безликим ником: «ПомощьРядом». Все — с этой самой стеной. Все — ровно в 03:17. И все — про животных, которые чего-то лишились: зрения, слуха, способности ориентироваться. Будто кто-то методично стирал у них связь с миром.

Лиза потянулась к чашке, но та оказалась пустой. На кухне тикали часы, и этот звук казался слишком громким, слишком настойчивым, будто пытался напомнить, что время идёт, а она всё ещё сидит и смотрит в экран, будто надеется увидеть что-то, что ускользает от взгляда.

Она открыла карту района и начала отмечать точки. Почти все животные были из одного микрорайона — того самого, где жила Тамара Петровна, чья история про «странного парня с кошками» теперь не казалась просто сплетней из подъезда. Лиза вспомнила, как Тамара дрожащим голосом рассказывала про тёмные капли на плитке, про внезапную

тишину в доме, про дверь, за которой «что-то шевелится». Тогда Лиза отнеслась к этому с осторожным скепсисом: мало ли что мерещится одинокой пожилой женщине. Но теперь эти детали складывались в узор, от которого становилось не по себе.

Она начала листать комментарии под постами. Там было всё, что бывает в таких случаях: слёзы, обещания помочь, переводы, просьбы дать реквизиты, кто-то предлагал забрать животное, кто-то спрашивал, можно ли приехать прямо сейчас. И среди этого потока эмоций — редкие голоса сомнения: *«Почему фото всегда такие размытые?»*, *«Один и тот же фон, будто снято в одной комнате»*, *«Время одинаковое — это странно»*. Но эти комментарии быстро тонули в волне сочувствия. Жалость работала как шум, заглушающий любые вопросы.

Лиза сделала скриншот, открыла таблицу, куда заносила все данные: ник, время, локация, описание животного, реквизиты для перевода. Строчки выстраивались в пугающую последовательность. Она заметила ещё одну деталь: в каждом посте была одна и та же фраза, почти дословно: *«Они всё ещё верят людям»*. Не «прошу помощи», не «нужна поддержка», а именно это — про веру. Как будто автор хотел не просто выпросить деньги, а заставить читателя почувствовать вину за то, что мир оказался не таким добрым, каким его обещали в детстве.

Она перешла на страницу автора. Профиль был пуст: ни

аватарки, ни биографии, ни личных фото. Только эти посты — и ничего больше. Словно аккаунт был создан исключительно ради того, чтобы просить о помощи. И каждый раз ровно в 03:17.

Лиза откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В темноте под веками мелькали образы: облупившаяся стена, размытые силуэты, тёмные капли на плитке. Она вспомнила, как однажды волонтерствовала в приюте и видела, как животные, пережившие жестокость, учатся заново доверять — медленно, осторожно, будто каждый шаг давался им ценой огромной внутренней работы. И мысль о том, что кто-то намеренно разрушает это доверие, лишая их чувств, была невыносимой.

Она открыла чат с Максом, бывшим кинологом, который не раз помогал волонтерам разбираться в поведении травмированных собак. Набрала сообщение, стёрла, снова набрала: *«Мне кажется, я нашла что-то странное. Цепочка постов про искалеченных животных. Всё указывает на одного человека. И есть свидетель — соседка, которая видела парня, приносившего домой сразу нескольких кошек. На плитке были тёмные капли».*

Макс ответил почти сразу: *«03:17 — это не случайность. Это ритуал. Либо маркер, либо сигнал. Пришли всё, что есть».*

Лиза отправила скриншоты, карту с отметками, таблицу. Пальцы слегка дрожали, но не от холода — от ощущения,

что она стоит на пороге чего-то, что лучше не трогать, но уже не может остановиться.

Через несколько минут пришёл ещё один пост.

Тот же фон. Та же стена. Размытое фото, на котором невозможно разобрать, собака это или просто тень. Подпись: *«Собака потеряла слух, но всё ещё верит людям. Помогите ей не разучиться ждать».*

Время: 03:17.

Лиза смотрела на экран, и ей казалось, что эта цифра пульсирует, как рана. Она знала, что теперь не сможет просто закрыть вкладку и пойти спать. Эта цепочка постов была не просто серией просьб о помощи — это была чья-то холодная, расчётливая игра. И Лиза должна была найти того, кто её вёл.

Она снова открыла карту, увеличила масштаб, выделила район, где чаще всего появлялись животные. Потом взяла блокнот и написала сверху: *«Андрей»*. Имя, которое назвала Тамара Петровна. Просто имя, пока без фамилии, без адреса, без доказательств. Но уже с весом.

В комнате стало тихо. Даже часы будто замедлили ход, давая ей время подумать. Но думать было некогда. Где-то в этом городе кто-то снова нажимал «Опубликовать» ровно в 03:17, зная, что найдутся те, кто поверит, кто пожалеет, кто переведёт деньги. И пока эти посты появлялись, игра продолжалась.

Лиза закрыла ноутбук, накинула куртку и взяла ключи.

Она не знала, куда именно идёт, но знала одно: нельзя позволять этой тишине становиться нормой. Нельзя позволять жалости закрывать глаза на правду.

Город был тёмным, холодным и слишком спокойным для того, что в нём происходило. Но Лиза шла вперёд, чувствуя, как страх смешивается с решимостью. Она должна была найти источник этих постов. Должна была найти Андрея.

И когда она вышла на улицу, ей показалось, что город наблюдает за ней. Будто каждая тень знала больше, чем готова рассказать.

Глава 3. «Пустые коробки»

Адрес, указанный в объявлении, оказался обманкой — как фальшивая дверь в декорациях старого театра. Дом стоял на отшибе, между ржавым забором и зарослями лопуха, будто сам старался спрятаться от чужих взглядов. Окна были затянуты пыльной плёнкой, а дверь — заколочена досками, на которых кто-то когда-то вывел мелом: «Не входить». Лиза остановилась у крыльца, чувствуя, как холод пробирается под куртку, не от ветра, а от самой тишины, плотной и тяжёлой, словно воздух здесь был гуще, чем в остальном городе.

Она сверила адрес с заметками в телефоне: всё совпадало. Тот самый дом, тот самый подъезд, та самая квартира, где, по словам автора поста, «ждёт помощи собака, которая почти

ничего не слышит». Но здесь никто не жил уже давно. Лиза постучала — звук отозвался глухим эхом, будто дом проглотил его и не захотел возвращать. Она заглянула в щель между досками: внутри было темно, пахло сыростью и пылью, и больше ничего — никакого движения, никакого дыхания.

Лиза медленно обошла дом, прислушиваясь к каждому шороху. Двор был мёртвым: ни следов лап, ни обрывков поводка, ни миски у порога. Только ветер гонял по асфальту сухие листья, и они шуршали, как чьи-то осторожные шаги, которые тут же растворялись в тишине.

За домом, в глубине двора, стоял старый гараж — низкий, покосившийся, с облупившимися воротами, на которых ржавчина вывела причудливые узоры, похожие на вены. Ворота были приоткрыты, будто кто-то недавно выходил и не потрудился закрыть за собой. Лиза замерла на мгновение, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия. Но она пришла сюда не для того, чтобы отступить.

Осторожно толкнув ворота, она шагнула внутрь.

В гараже было темно и холодно, но не пусто. Вдоль стен стояли картонные коробки — десятки, может, даже сотни. Некоторые были разорваны, другие аккуратно сложены, третьи перетянуты скотчем, будто готовились к переезду, который так и не случился. Внутри коробок лежали старые подстилки — жёсткие от времени, свалявшиеся, с запахом, от которого хотелось зажмуриться и задержать дыхание. Рядом валялись пластиковые миски, некоторые треснутые, другие

целые, но все одинаково безжизненные.

Но страшнее всего были бирки. Они лежали рассыпью на полу, торчали из коробок, висели на гвоздях, вбитых в стену. Простые кусочки картона, выцарапанные от руки: цифры, даты, иногда — имена. «Буся». «Тёма». «№ 14». «23.10». «Без клички». Каждая бирка была как короткая, оборванная история, которую никто не успел дорассказать.

Лиза присела на корточки и подняла одну из бирок — ту самую, с именем «Буся». Пальцы дрогнули, когда она провела пальцем по неровным буквам, будто пытаясь прочесть не только надпись, но и то, что осталось между строк. Она представила себе кошку с этим именем — пушистую, доверчивую, с любопытными глазами, которые привыкли замечать каждую тень, каждый шорох. И теперь этих глаз не было. И самой кошки не было.

Запах в гараже становился всё невыносимее — смесь сырости, старого меха и чего-то ещё, горького и металлического, от чего желудок сжимался в тугий узел. Лиза поднялась, оглядываясь по сторонам, и вдруг заметила в углу ещё одну коробку — не такую, как остальные. Она была закрыта, перетянута верёвкой, и на ней не было бирки. Только одна царапина на картоне, похожая на след от когтя.

Не раздумывая, Лиза развязала верёвку и откинула крышку.

Внутри было пусто.

Абсолютно, пугающе пусто. Ни подстилки, ни миски, ни

намёка на то, что здесь когда-то кто-то жил. Только запах, въевшийся в картон, и тишина, которая казалась громче любого крика.

Лиза резко захлопнула коробку, будто хотела запереть внутри не пустоту, а само ощущение неправильности, которое становилось всё сильнее. Она огляделась, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы объяснить, почему здесь столько коробок, столько бирок, столько следов, ведущих в никуда.

И тут она заметила на стене календарь. Старый, выцветший, с оторванными листами. На одном из оставшихся листов кто-то обвёл дату красным маркером. Дата совпадала с датой на одной из бирок. А рядом, едва заметным почерком, была приписка: «03:17».

Время публикации постов.

Лиза попятилась, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Всё сходилось: коробки, бирки, даты, время. Это было не просто место, где держали животных. Это был архив страданий, учётная книга чьей-то жестокости, где каждая строка была оплачена чужой жалостью и чужими деньгами.

Она вышла из гаража, жадно глотая свежий воздух, но он не мог смыть этот запах, этот вкус ужаса, который уже вьелся в кожу. Город вокруг казался таким же пустым, как те коробки: дома стояли молчаливо, окна смотрели тёмными провалами, а ветер шептал что-то на непонятном языке.

Лиза достала телефон и набрала Макса. Гудки тянулись бесконечно, будто сеть тоже не хотела соединять её с нор-

мальным миром. Наконец, он ответил:

— Лиза? Ты где?

— Я нашла... — голос сорвался, и она сжала телефон крепче, заставляя себя говорить ровно. — Я нашла место. Гараж за тем домом. Там коробки, бирки... и ни одного животного. Только запах. И календарь с отметкой «03:17». Это не случайность, Макс. Это система.

Макс помолчал, и в этой паузе было больше ужаса, чем в любом крике.

— Не оставайся там, — сказал он наконец. — Уходи. Прямо сейчас. Если это то, о чём я думаю, значит, он ведёт учёт. А если ведёт учёт, значит, знает, кто ищет.

Лиза обернулась на гараж. Ворота слегка покачивались от ветра, и в этом движении было что-то живое, что-то наблюдающее. Ей показалось, что из темноты на неё смотрят десятки невидимых глаз — тех самых, которых больше не было у животных с бирок.

Она сделала шаг назад, потом ещё один. Ноги слушались плохо, будто земля стала вязкой, пытаясь удержать её здесь, в этой ловушке из коробок и тишины. Но она шла, сжимая в руке бирку с именем «Буся», как единственное доказательство того, что это не сон.

Город не хотел раскрывать свои тайны. Он прятал их в пустых коробках, в обведённых датах, в запахе, который въедался в память. Но Лиза теперь знала: за каждым постом, за каждой просьбой о помощи стояла не просто жестокость

— стояла расчётливая, холодная система. И где-то в этом городе Андрей продолжал вести свою страшную бухгалтерию, зная, что найдутся те, кто поверит, кто пожалеет, кто переведёт деньги.

А она должна была найти его раньше, чем он успеет открыть следующую коробку.

Глава 4. «Тот, кто не слышит»

Лиза вернулась домой не потому, что хотела спрятаться, а потому, что ей нужно было место, где можно выдохнуть и собрать мысли в хоть какой-то порядок. Квартира встретила её привычной тишиной — но теперь эта тишина казалась подозрительной, будто за каждым углом притаилась чужая, чуждая ей пустота. Она бросила куртку на стул, села на край дивана и только тогда поняла, что всё ещё сжимает в пальцах бирку с именем «Буся». Картон уже стал тёплым от её руки, но от этого не становился менее жутким.

Через десять минут раздался звонок в дверь. На пороге стоял Макс — высокий, немного сутулый, с тем особенным взглядом человека, который слишком много знает о том, как животные чувствуют опасность. В его присутствии комната будто становилась чуть просторнее, а тишина — менее давящей. Он молча протянул ей термос с кофе и сел рядом, не задавая лишних вопросов, пока она не выложит всё по по-

рядку.

Лиза рассказала про гараж, про коробки, про бирки и календарь с отметкой «03:17». Макс слушал, не перебивая, только иногда кивал, будто складывая детали в уже знакомую ему картину. Когда она закончила, он достал ноутбук и открыл несколько вкладок, быстро перебирая страницы.

— Ты права, это не случайность, — тихо сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Это не просто жестокость. Это система. И она строится на том, что мы хуже всего понимаем — на разрушении чувств.

Он развернул экран к Лизе. На фото был старый питомник на окраине города — полуразрушенное здание с облупившейся вывеской. На переднем плане стоял парень в серой куртке, с опущенной головой и руками, спрятанными в карманах. Лиза узнала его сразу: Андрей.

— Это снято год назад, — пояснил Макс. — Тогда в питомнике пропали все собаки. Не разбежались, не были пристроены — просто исчезли. Полиция списала на халатность, волонтеры пытались искать, но следов не было. А теперь я вижу связь.

Лиза смотрела на фото, и ей казалось, что Андрей на нём не просто стоит — он прислушивается к чему-то, чего не слышат остальные. Будто он уже тогда учился стирать границы между нормальным и страшным.

Макс открыл ещё одну вкладку — старую статью с форума волонтеров. В ней говорилось о странных случаях: соба-

ки, которые вдруг переставали реагировать на звуки, кошки, которые натыкались на стены, будто не видели их. Все эти животные были из одного района. И все они исчезли через несколько дней после того, как хозяева обращались за помощью.

— Он не просто калечит их, — проговорил Макс, и в его голосе прозвучала та самая профессиональная горечь, которая появляется, когда человек сталкивается с чем-то противоестественным. — Он стирает их связь с миром. Лишает слуха, зрения, ориентации. Для собаки слух — это способ понимать, что происходит вокруг. Для кошки зрение — это безопасность. Когда ты забираешь у них это, ты забираешь саму возможность чувствовать себя в безопасности. Это не просто боль. Это уничтожение их способа существовать.

Лиза закрыла глаза, пытаясь не представлять, как это происходит, но образы всё равно пробирались внутрь: тёмная комната, дрожащее животное, тишина, в которой слышен только чужой, равнодушный шаг.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ему это?

Макс помолчал, подбирая слова так, чтобы они не звучали как оправдание.

— Иногда люди учатся получать власть через чужую уязвимость. А он, кажется, пошёл дальше: он тренирует город не замечать. Сначала исчезают животные. Потом исчезают звуки. Потом исчезают вопросы. И в какой-то момент остаётся только тишина — и тот, кто её создаёт.

Лиза открыла глаза и посмотрела на бирку, лежащую на столе. «Буся». Имя, которое теперь звучало как обвинение.

— Мы должны найти его, — сказала она твёрже, чем чувствовала себя на самом деле. — Должны остановить.

Макс кивнул, но в его взгляде мелькнуло что-то предостерегающее.

— Если это система, значит, у него есть и другие точки. Другие места, где он хранит... следы. И если он год назад был в питомнике, значит, он уже тогда знал, что делает. Нам нужно искать не только его, но и то, что он оставляет после себя: адреса, временные метки, повторяющиеся детали. Всё, что кажется мелочью, может быть ключом.

Он снова открыл ноутбук и начал быстро печатать, собирая воедино старые посты, упоминания, даты. Лиза встала и подошла к окну. Город внизу казался обычным: редкие машины, тусклые фонари, тени от деревьев, ползущие по асфальту. Но теперь она знала: где-то среди этих теней прячется что-то, что умеет стирать звуки и забирать чувства.

И тут телефон Лизы тихо пискнул. Новое уведомление. Она посмотрела на экран — и холод пробежал по спине.

Ещё один пост. Тот же безликий аккаунт. Размытое фото, на котором едва угадывался силуэт собаки. Подпись: *«Она не слышит шагов, но всё ещё ждёт, что кто-то придёт»*.
Время публикации: 03:17.

Лиза подняла глаза на Макса. Он уже смотрел на неё, и в его взгляде читалось то же понимание: игра продолжается.

И Андрей делает следующий ход.

— Он знает, что мы ищем, — тихо сказала Лиза. — Или чувствует. Как будто сам город шепчет ему, где мы были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.